

УДК 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ: МЕЖДУ НАУЧНОЙ ТЕОРИЕЙ И ИНСТРУМЕНТОМ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ»

Даниил Александрович Аникин,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
dandee@list.ru

Илья Андреевич Туркин,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
Москва, Россия,
Ilya.turkin2001@gmail.com

*Получена 12.11.2024.**Поступила после рецензирования 05.02.2025.**Принята к публикации 24.02.2025.*

Для цитирования: Аникин Д.А., Туркин И.А. Постколониализм: между научной теорией и инструментом «культуры отмены» // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 1. С. 29–42. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_29

Аннотация

Данная статья посвящена анализу использования постколониальной теории по отношению к России. В контексте кризиса международной безопасности икратно усилившегося соперничества великих держав реактуализируется проблема изучения использования научных дискурсов, в основании которых лежит определенный

© Аникин Д.А., Туркин И.А., 2025

политический проект. Цель данной работы – выявить границы применения постколониальной теории по отношению к России. Для выполнения поставленной цели авторы решают следующие исследовательские задачи: а) выявление внутренних противоречий постколониальной теории и б) определение границы применения данной теории по отношению к России. Делается вывод о кризисе постколониальной теории из-за нормативного элемента, который не позволяет разграничить постколониальную теорию и ее использования в качестве инструмента «культуры отмены». Утверждается, что постколониальный дискурс не столько устраняет диспропорции доминирования одних групп над другими, сколько создает новые властные рамки, которые включают потенциальную прибавочную репрессию. В этих границах приоритетное место отводится постколониальному субъекту, который на дискурсивном уровне получает приоритетный статус. В работе выделяются два метода, которые используются при конструировании постколониального субъекта: конструирование традиции и жаргона подлинности. Оба метода указывают на фактическое отсутствие аутентичности, к которой стремится постколониальный субъект для легитимации своего статуса и увеличения своего символического капитала. Показано, что научные подходы по применению постколониальной оптики к России являются ангажированными и ценностно нагруженными, что приводит к девальвации объективности.

Ключевые слова:

постколониальная теория, деколонизация, дискурс, Subaltern Empire, внутренняя колонизация, культура отмены

Источник финансирования:

статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации по результатам конкурсного отбора ЭИСИ (тема № FZNF-2024-0007 «Постколониализм как инструмент культуры отмены: особенности дискурса и мемориальные практики»).

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_1_29

POSTCOLONIALISM: BRIDGING ACADEMIC THEORY AND THE INSTRUMENT OF CANCEL CULTURE

Daniil A. Anikin,

State Academic University for the Humanities,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia,
dandee@list.ru

Ilya A. Turkin,

State Academic University for the Humanities,
P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia,
Ilya.turkin2001@gmail.com

*Received 12.11.2024.**Revised 05.02.2025.**Accepted 24.02.2025.*

For citation: Anikin, D.A., Turkin, I.A. (2025). Postcolonialism: Bridging Academic Theory and the Instrument of Cancel Culture. *Discourse-P*, 22(1), 29–42. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_1_29

Abstract

This article examines the application of postcolonial theory in relation to Russia. Amid the ongoing international security crisis and heightened rivalry between great powers, the relevance of studying scientific discourses tied to specific political projects has been reestablished. The article aims to delineate the limits of postcolonial theory applicability regarding Russia. To achieve this, the authors address two key research tasks: a) identifying the internal contradictions within postcolonial theory, and b) determining its limits in relation to Russia. The study concludes that postcolonial theory is experiencing a crisis due to its normative elements, which blur the lines between theoretical discourse and its use as a tool for *cancelling culture*. It argues that postcolonial discourse fails to rectify existing power imbalances of dominance, but instead creates new boundaries of power that may lead to additional forms of repression. Within these boundaries, the postcolonial subject is prioritized and granted a privileged status at the discursive level. The paper identifies two methods employed in constructing the postcolonial subject: *the construction of tradition and the jargon of authenticity*. Both methods highlight a fundamental lack of authenticity that the postcolonial subject seeks to

legitimize in order to enhance symbolic capital. Furthermore, approaches applying postcolonial perspectives to Russia are biased and value-laden, which results into a devaluation of objectivity.

Keywords:

postcolonial theory, decolonization, discourse, Subaltern Empire, internal colonization, cancel culture

Funding:

The article was developed at the State Academic University of the Humanities as part of the state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation following the results of the competitive selection of Social Research Expert Institute (EISI) (topic No. FZNF-2024-0007 “Postcolonialism as A Tool of Cancel Culture: Features of Discourse and Memorial Practices”).

Введение

Одним из ключевых политических событий современных международных отношений является процесс деколонизации стран Африки, Азии и Латинской Америки. Достаточно сказать, что на момент основания ООН в организацию входило пятьдесят одно государство, в то время как сегодня это число составляет сто девяносто три. Данное положение особенно важно в контексте выстраивания многополярной системы международных отношений, которая предполагает эгалитарное и демократическое управление. Если во время доминирования колониальных западных империй только они имели право голоса, то сегодня невозможно не учитывать мнение тех стран, которые объединяются под единым означающим «глобальный Юг».

Несмотря на факт распада колониальной системы, обвинения в колониализме остаются значимым фактором политики. Возникает даже парадоксальная ситуация: постколониализм, выросший из риторики освобождения угнетенных народов, перерастает рамки научного дискурса, превращаясь в обоюдоострый политический инструмент, который может быть использован не только для анализа сложного комплекса связей между сообществами в условиях имперского миропорядка, но и как инструмент политического переосмысления прошлого и настоящего. Следствием политизации постколониальной риторики вполне закономерно становится «культура отмены» по отношению к тому сообществу, которое трактуется как «угнетающее». «Культуру отмены» в данном случае стоит трактовать как механизм коллективного остракизма, но не по отношению к отдельному человеку, а к определенным образам прошлого, которые являются значимыми для современного сообщества. Следовательно, объектом подобного канселлинга оказываются не только памятники историческим персонажам, но и те люди, для которых эти памятники символически значимы.

И здесь ключевым вопросом по отношению к постколониализму становится сама возможность разведения научного и политического инстру-

ментария. С одной стороны, президент Российской Федерации В. В. Путин утверждает, что западные элиты пытаются подвести идеологическую основу под идею о расчленении России по национальному признаку. При этом, с другой стороны, уже в рамках экспертного дискурса формируются идеи, которые во многом реабилитируют само понятие «империи», указывая на ее позитивное воздействие по отношению к колониальным территориям (Михалев, 2019). Поэтому в контексте кризиса международной безопасности икратно усилившегося соперничества великих держав реактуализируется проблема изучения использования научных дискурсов, в основании которых лежит определенный политический проект. Ввиду этого целью данной работы является выявление границ применения постколониальной теории по отношению к России. Для выполнения поставленной цели нами были определены следующие исследовательские задачи: а) выявление внутренних противоречий постколониальной теории и б) определение границы применения данной теории по отношению к России и тех проблемных моментов, которые становятся препятствием на пути полноценного использования постколониализма как научного подхода.

***Subaltern Studies* и ее теоретические противоречия**

Изначально процесс деколонизации не привел к значительным интеллектуальным сдвигам, так как сама зависимость бывших колоний осознавалась через призму экономического редукционизма. В этом ключе развивается теория модернизации, которая постулирует, что для достижения полной независимости бывшие колонии должны просто пройти все те этапы, которые прошли страны Запада, чтобы достичь уровня центра. Несмотря на то, что теория модернизации долго оставалась интеллектуальным мейнстримом, альтернативу ей предложили теоретики постколониализма, которые утверждают, что колониальная зависимость никогда не сводилась исключительно к экономической эксплуатации, но коренилась в структурах языка, культуры и идеологии. Вокруг процесса деколонизации начало выстраиваться отдельное междисциплинарное направление — постколониальная теория (*Subaltern Studies*), которая изменила современный интеллектуальный ландшафт. Например, Бахман-Медик выделяет «постколониальный поворот» в качестве одного из семи «культурных поворотов», то есть парадигмальных смен исследовательского фокуса (Бахман-Медик, 2017). Это проявляется в том, что сегодня любой исследователь в той или иной степени должен находиться в непрерывном диалоге с идеями мультикультурализма, локальных идентичностей и борьбы с европоцентризмом.

Сами постколониальные исследования испытывают влияния двух больших течений: марксизма и постструктурализма/постмодернизма (Gandhi, 2019).

Влияние марксизма заключается в общем пафосе деколонизации и критике капитализма. С этой точки зрения, крупнейшие страны центра эксплуатируют периферию, а империализм является высшей стадией развития капитализма. Взяв антиколониальный пафос марксизма, теоретики постколониализма отказались от его экономического детерминизма и западноцентричного универсализма, так как классический марксизм все равно представлял европейский путь

развития как норму, к которой должны прийти все развитые страны. Представители постколониальной теории предлагают «провинциализировать» Европу, тем самым показав плюральность современного мира в противовес европоцентризму (Чакрабартти, 2021). Такой шаг не приводит к абсолютному политическому релятивизму, но предполагает обогащение опыта Западной Европы опытом стран Юга, тем самым создавая новый универсалистский проект.

От постструктурализма/постмодернизма постколониальные исследования взяли проблематику языка. Основываясь на работах М. Хайдеггера, М. Фуко, Ж. Дерриды и др., постколониальные исследования ориентируются на идею о том, что язык не нейтрален, что в его структуре присутствуют механизмы контроля и подавления. Теоретики *Subaltern Studies* утверждают, что колонизаторы навязывают определенный способ общения и мышления для угнетенных, чтобы последние не могли выйти за рамки сконструированных границ власти, а следовательно, угнетаемый всегда вынужден заявлять о себе на языке угнетателя. В рамках постколониальной теории приоритетное место отводится именно роли культуры как конституирующего фактора для создания постколониального субъекта и критического отношения к существовавшим до этого дискурсивным практикам. Ван Дейк указывает следующие критерии критических исследований: а) отношения доминирования изучаются в обязательном порядке с точки зрения и в интересах подчиненной группы; б) опыт (участников) подчиненной группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса; в) дискурсивные действия доминирующей группы могут быть истолкованы как нелегитимные; г) адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчиненных групп (Ван Дейк, 2015, с. 23–24). Из этого следует, что постколониальная теория обладает большим нормативным элементом, цель которого – предоставление права бывшим колониям говорить за самих себя.

Данный нормативный элемент определяет «кризис» направления». Суть этого кризиса заключается не только в методологических лакунах, которые не может заполнить данная область исследований, но и в том, что сама апелляция к колониализму становится символическим ресурсом, который используется в процессе политической борьбы. На практике это проявляется в том, что подчиненные группы на уровне текста получают приоритетный статус по отношению к потенциальным угнетателям. Такая постановка проблемы неизбежно возрождает дискурс исторической ответственности и, как следствие, открывает пространство для манипуляций (Котунова, 2024). Поскольку соотношение «угнетателей» и «угнетенных» является не объективной данностью, а результатом работы дискурса, это приводит к конструированию таких эссенциализированных категорий, как «Запад» и «Восток», где первый предстает в качестве внеисторического угнетателя, а второй – в качестве внеисторической жертвы. Данная «внеисторичность» указывает не столько на категорию актуальной вины, сколько на категорию ответственности, которую должны нести потомки угнетателей, чтобы «разобраться» с трудным прошлым.

Необходимо отметить, что постколониальная теория на практике не предполагает моментальное перераспределение властных ресурсов к миноритарным группам, которые сами по себе не обладают пониманием своей угнетенной идентичности. Чтобы им это осознать, нужны символические элиты,

которые имеют доступ к публичному дискурсу. Такими элитами становятся или представители тех самых групп «угнетателей», или элиты миноритарных групп, которые не смогли встроиться в доминирующую вертикаль власти. Это означает, что постколониальная теория в политическом поле выполняет эффективно две функции: конструирование сообщества и его мобилизацию с целью последующего перераспределения властных ресурсов. Такое сообщество предстает в политике в качестве постколониального субъекта, стремящегося закрепить в публичном пространстве новое представление о прошлом, настоящем и будущем.

Можно выделить два взаимосвязанных метода, которые используются в процессе утверждения постколониального субъекта: конструирование традиции и жаргона подлинности. Оба метода связаны с задачей создания сообщества, которое должно осознавать себя в качестве объективно данного. Эта объективность утверждается с помощью легитимации сообщества через апелляцию к ее подлинности или аутентичности. Но поскольку такая «аутентичность» предстает в качестве утерянной, она возвращается через процедуру конструирования традиции и создания подлинного языка, который должен репрезентировать тип жизни, утерянный подчиненной группой. Характерным примером создания постколониального субъекта является Индия, которая сформировалась в качестве единого и суверенного государства во многом благодаря английской и отчасти французской колонизации. Поэтому досовременная индийская история полностью является изобретением современной Индии, даже при условии, что такого единого пространства как «Индия» могло никогда и не появиться (Валлерстайн, 2006).

В этом смысле следует разграничить «постколониализм» как исследовательскую стратегию и «деколониализм» как форму активизма (Малахов, 2023b). Но также стоит отметить, что сами постколониальные работы крайне интердискурсивны, то есть в рамках одного текста может быть представлена апелляция как к академическому, так и к активистскому дискурсу. Это не снижает ценность постколониальной теории, но побуждает исследователя обратить внимание на политический элемент в использовании подхода. С точки зрения активистского дискурса знак «колониализм» является одним из плавающих означающих, главная цель которого – стигматизация конкурирующих акторов. Это предполагает уравнивание всех империй или маркирование государств в качестве империй, а затем их последующее наделение исключительно негативными характеристиками. Классическим примером подобного плавающего означающего, которое выполняет схожие функции, является знак «фашизм», который сегодня служит скорее не аналитической категорией, сколько обзывательством (Соловьев, 2021).

Во-первых, постколониальная теория в противовес первой волне модернизационного подхода настаивает, что зависимость центра и периферии не может быть преодолена с помощью экономических реформ по западному образцу. Утверждается, что формальный статус независимости деколонизованных стран никогда не приводил к фактической самостоятельности, так как угнетение находится не только на уровне базиса (экономики), а в первую очередь на уровне надстройки (идеологии, культуры и языка). Во-вторых, постколониальная теория, как и любая теория с приставкой «пост» является частью «постмодернистского» поворота в гуманитарном знании. Такой поворот утверждает, что любое знание ангажировано, а следовательно,

включено в непрерывный процесс борьбы дискурсов. В-третьих, постколониальная теория основывается на нормативном элементе, который включает необходимость создания постколониального субъекта. Такой субъект утверждается с помощью двух легитимирующих методов: конструирование традиции и создание жаргона подлинности. В-четвертых, нельзя четко разграничить «постколониализм» как исследовательскую стратегию и «деколониализм» как форму активизма. Это приводит к тому, что постколониальная теория перестает создавать универсальное знание, так как доминирующие представления о мультикультурализме не способствуют гражданской солидарности, но провоцируют сегментацию общества по этническому признаку (Малахов, 2023а).

Постколониальное «прочтение» России: издержки теории и политический контекст

Изначально постколониальный дискурс применялся исключительно для анализа взаимодействия классических морских империй и их метрополий. Это во многом связано с тем, что классики данной теории являются выходцами из колоний Франции и Англии. Но по мере популяризации деколониального знания дискурс начал расширять свои рамки, включая в свою область дискурсивности все новые и новые объекты.

Россия была затронута «деколонизацией» далеко не сразу, так как деколонизационный дискурс появился как факт только во второй половине XX в. СССР не позиционировал себя в качестве продолжателя политики Российской империи. Более того, советский дискурс всегда структурировался вокруг таких узловых точек, как «дружба народов», «антиколониальная борьба», «интернационализм» в противовес «русскому шовинизму» и «американскому империализму». Даже несмотря на очевидные проблемы в национальном вопросе и стигмах вроде «Evil Empire», нельзя сказать, что политика СССР конвенционально считалась имперской. Поэтому вопрос о деколонизации советского или постсоветского пространства носил отпечаток идеологии и политики. Часто обвинения СССР в империализме и имперскости были не столько аналитическими категориями, сколько идеологическими конструкциями, направленными на делигитимацию оппонентов.

В современной публичной риторике применение термина «империя» по отношению к СССР предполагает вполне определенные идеологические коннотации, как правило, негативного толка. Но, как отмечает Сергей Абашин, СССР необходимо рассматривать в качестве сложного и глубоко амбивалентного феномена, который нельзя сводить к понятию «империя» (Абашин, 2016). Сам по себе Советский Союз был уникальным социо-политическим образованием. Если СССР и был империей, то очень нетипичной, так как его идеология во многом опиралась на антиколониальные идеи и практики. Например, на нетипичность СССР указывают многочисленные программы преодоления неравенства между центром и периферией (Малахов, 2023b), в то время как для классических империй колонии были в первую очередь сырьевым придатком, отсталость которого необходимо было поддерживать. Также основное внимание интеллектуалов было направлено на страны Запада, а вопрос о роли

России в колонизации других народов поднимался, но никогда не являлся частью интеллектуального мейнстрима. Например, Э. Саид отмечал необходимость рассмотрения кейса взаимодействия культуры и империализма в России, но сам анализ не проводил (Саид, 2012).

Интерес к применению постколониальной теории к России был снова реактуализирован в связи с распадом Советского Союза и крахом коммунистических режимов в Европе. С точки зрения политики идентичности бывший социалистический блок представлял собой вакуум, который стремились заполнить самые разные дискурсы (от откровенно конспирологических до радикально националистических или космополитических), цель которых – утверждение и легитимация нового представления о нации. Данная проблематика усугублялась общей полупериферийностью как Восточной Европы, так и России. В первом случае это привело к закреплению «центр–периферийной» модели, когда страны полупериферии встраиваются в центр на правах периферии (Сайфуллаев, 2020), а во втором – к росту национализма и ресентимента в связи с отказом от принятия в «центр» мир-системы и сохранения старого полупериферийного статуса.

На этом фоне начинается дискуссия, почему ни у России, ни у стран Восточной Европы не получилось достичь положения центра на правах центра. Для Восточной Европы, с точки зрения постколониализма, ответом является наследие двойной колонизации: Германии и Австрии как представителей Центральной Европы (или Запада в целом) и России как представителя Восточной Европы. Поэтому оптимальным путем борьбы с колониализмом является противодействие, во-первых, России как стране-империи, а во-вторых, странам, которые могут потенциально возродить свою имперскую политику.

С другой стороны, как было отмечено ранее, применение постколониальной оптики к Российской Федерации является гораздо более проблематичным. Во-первых, Россия в девяностые годы отрешивалась как от советского прошлого, так и от части имперского наследия. Официальный дискурс провозглашал себя наследником конституционных преобразований и Февральской революции. Во-вторых, Россия даже присоединение Крыма обосновывала апелляцией к нормам международного права, а именно – к праву народов на самоопределение. В-третьих, политика России никогда не отличалась от политики великих держав на международной арене. Расширение понятия империи если и может применяться, то или с теоретических позиций, изложенных А. Хартом и М. Негри в их работе «Империя», или при утверждении, что сами империи как акторы мировой политики никуда не исчезли. Обе теоретические предпосылки ведут к девальвации понятия «империя» для активистского дискурса. В первом случае Россия становится безответственной за проведение «имперской» политики, так как субъектность переносится с уровня национального государства на наднациональный уровень капитала. Во втором случае понятие «империя» должно освобождаться от агрессивно-негативной или негативно-позитивной эмоциональной окраски, чтобы выступать в качестве аналитической категории (Миллер, 2024).

Двойственность применения понятия «империя» по отношению к России демонстрирует В. Морозов в своей концепции подчиненной империи (*Subaltern*

Empire), которую он артикулировал сначала в статье «Подчиненная империя? К постколониальному подходу к российской внешней политике» (Mogozov, 2015b), а затем расширил ее трактовку в своей книге «Постколониальная идентичность. Подчиненная империя в евроцентричном мире» (Mogozov, 2015a). Опираясь на идеи внутренней колонизации и периферийной империи, он приходит к выводу, что политику России детерминирует глубокая амбивалентность: статус угнетенного и статус угнетателя.

Определяя субальтерна как того, кто «лишен избирательных прав, имеет «недостаточный доступ к способам представительства», того, чья деятельность ограничена (и сконструирована как ограниченная, например, в ориенталистских дискурсах) существующим социальным порядком – «структурированным местом, из которого возможность доступа к власти радикально затруднена» (Mogozov, 2015a, p. 10), В. Морозов утверждает, что необходимо отказаться от возможности субальтернов на доступ к истине. В контексте России это означает, что она, благодаря своему полупериферийному статусу, способна говорить от имени подчиненных, которые в то же самое время включены в структуру глобального доминирования в качестве ее местных репрессивных агентов. С точки зрения автора, гегемонистский дискурс позволяет России использовать западный язык для того, чтобы обосновать свои претензии к Западу.

Вторым важным утверждением является тезис о том, что данный дискурс является манипулятивным, так как фактически не создает альтернативных и менее репрессивных способов организации международного порядка. В. Морозов утверждает, что язык, который Россия использует для того, чтобы бросить вызов гегемонии Запада, также является европоцентричным (Морозов, 2009). Такая репрезентация России предполагает идейный плюриверсум вовне России, но не индивидуальное многообразие внутри. На практике это означает, что задачей правящей элиты России становится, во-первых, не столько утверждение многополярного мира, сколько утверждение своего регионального доминирования в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, а во-вторых, – продолжение репрессий по отношению к инакомыслящим внутри страны.

Одной из основных идей работ В. Морозова было утверждение, что «получающийся на выходе набор «подлинно российских ценностей» – не более чем зеркальное отражение представлений россиян о Западе и его пороках» (Морозов, 2014). Это предполагает наличие у автора некой политической программы, которая не является четко артикулированной, но которую, очень огрубляя, можно свести к следующей формуле: России необходимо перестать пытаться создавать контргегемонистские дискурсы, но возвращаться в семью цивилизованных европейских народов. Если утверждения о бесплодности предыдущих попыток отхода от европоцентричной модели корректно описывали идентичность России до 22 февраля 2022 г., то сегодня данный тезис нуждается в повторных проверках.

Заключение

На текущий момент постколониальная теория находится в состоянии теоретического кризиса. Главной причиной этого кризиса является ангажированность самого дискурса, которая не позволяет разделить «постколониальную» теорию

и «деколониционную» стратегию. Это не означает, что необходимо отказываться от изучения постколониализма, но побуждает искать новые теоретические и методологические предпосылки, которые позволят реабилитировать эвристический потенциал данного подхода. Постколониальный дискурс фактически игнорирует главный тезис, который лежит в основании теории: власть и знание взаимосвязаны. Если теоретики *Subaltern Studies* корректно выделяют природу доминирования европейских колоний, то они не обращают внимание, что новый дискурс деколонизации также создает властные рамки, которые включают потенциальную прибавочную репрессию. Данная репрессия заключается в том, что позиция жертвы наделяется монополией на истину, а следовательно, это создает пространство для инструментализации знания в политических целях.

В ходе работы были выделены два метода, которые используются при конструировании постколониального субъекта: конструирование традиции и жаргона подлинности. Оба метода указывают нам на фактическое отсутствие аутентичности, к которой стремится постколониальный субъект для легитимации своего статуса и увеличения своего символического капитала. Снятие данного противоречия лежит в активистском дискурсе, который, с одной стороны, позволяет создать эссенциализированные и застывшие категории «Запада» и «Востока», но, с другой стороны, создает больше логических противоречий.

Применение постколониальной оптики по отношению к России демонстрирует уязвимость теории, тем самым снижая границы использования данного подхода из-за того, что анализ неизбежно включает в себя элементы идеологизации. Призывы к «культуре отмены» России, которые звучат извне, зачастую предполагают использование постколониальной риторики в качестве инструмента ее внутренней дифференции, выделения «угнетенных сообществ» и их противопоставление колониальной гегемонии Российской империи и СССР. Такой нормативный элемент не может быть беспроблемно принят в академическом сообществе, так как включает определенный проект видения будущего, в котором «политическое» часто перевешивает «научное». Тем не менее необходимо отметить, что постколониальная теория все еще обладает большим потенциалом для изучения России. Главная проблема заключается в том, что Россия не вписывается в западноевропейскую колониальную модель. Постколониальная теория, выстраиваемая через призму неоднозначности отношений сообществ в условиях имперского политического устройства, позволяет выявить многие проблемы российского общества, российской идентичности и доминирующего властного дискурса, которые не могут быть раскрыты через классические методологические рамки.

Список литературы

1. Абашин, С. (2016). Советское = колониальное? (За и против). В Г. Мамедов, О. Шаталова (Сост., ред.), *Понятия о советском в Центральной Азии: Альманах Штаба* (№ 2, с. 28–48). Бишкек: Штаб-Press.
2. Бахман-Медик, Д. (2017). *Культурный поворот по следам «антропологического»: некоторые замечания*. Москва: Новое лит. обозрение.

3. Валлерстайн, И. (2006). Существует ли Индия? *Логос*, (6), 3–8.
4. Ван Дейк, Т.А. (2015). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации* (Изд. 2-е). Москва: УРСС: ЛИБРОКОМ.
5. Котунова, О.В. (2024). Моральная риторика «культуры отмены»: парадоксы концепта исторической ответственности. *Антиномии*, 24(3), 23–37. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_23
6. Малахов, В.С. (2023а). *Политика различий: культурный плюрализм и идентичность*. Москва: Новое лит. обозрение.
7. Малахов, В.С. (2023b). Ретроактивные категоризации, или Постколониальность как состояние. *Социологическое обозрение*, 22(3), 53–74. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-53-74>
8. Миллер, А.И. (2024). Проблемы российского федерализма и «реабилитация» империи. *Россия в глобальной политике*, 22(6), 74–86. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-74-86>
9. Михалев, А.В. (2019). Новая Большая игра как неоколониальный дискурс. *Дискурс-Пи*, (3), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10301>
10. Морозов, В.Е. (2009). *Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества*. Москва: Новое лит. обозрение.
11. Морозов, В.Е. (2014). Свято место пусто не бывает. *Россия в глобальной политике*, 12(3), 40–49.
12. Саид, Э. (2012). *Культура и империализм*. Санкт-Петербург: В. Даль.
13. Сайфуллаев, А. (2020). Между имитацией и критикой: постколониальные исследования в Центральной Европе (на примере Польши). *Новое литературное обозрение*, (6), 175–187.
14. Соловьев, С.М. (2021). Оскорбление фашизмом, или еще раз об актуальности теории. *Россия в глобальной политике*, 19(5), 230–241. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-230-241>
15. Чакрабартти, Д. (2021). *Провинциализируя Европу*. Москва: Музей современного искусства «Гараж».
16. Gandhi, L. (2019). *Postcolonial Theory: A Critical Introduction* (2nd ed.). New York: Columbia Univ. Press.
17. Morozov, V. (2015a). *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London: Palgrave Macmillan.
18. Morozov, V. (2015b). Subaltern Empire? Toward a Postcolonial Approach to Russian Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 60(6), 16–28.

References

1. Abashin, S. (2016). Sovetskoe = kolonial'noe? (Za i protiv) [Soviet = colonial? (Pros and cons)]. In G. Mamedov, & O. Shatalova (Sost., red.), *Ponyatiya o sovetskom v Tsentral'noy Azii: Al'manakh Shtaba* (№ 2, s. 28–48). Bishkek: Shtab-Press.
2. Bakhman-Medik, D. (2017). *Kul'turnyy povorot po sledam "antropologicheskogo": nekotorye zamechaniya* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

3. Chakrabarti, D. (2021). *Provintzializiruya Evropu* [Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference]. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh".
4. Gandhi, L. (2019). *Postcolonial Theory: A Critical Introduction* (2nd ed.). New York: Columbia Univ. Press.
5. Kotunova, O. V. (2024). Moral'naya ritorika "kul'tury otmeny": paradoksy kontsepta istoricheskoy otvetstvennosti [Moral Rhetoric of Cancel Culture: Paradoxes in the Concept of Historical Responsibility]. *Antinomii*, 24(3), 23–37. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_23
6. Malakhov, V. S. (2023a). *Politika razlichiy: kul'turnyy plyuralizm i identichnost'* [Retroactive Categorizations, or Post-Coloniality as Condition]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
7. Malakhov, V. S. (2023b). Retroaktivnye kategorizatsii, ili Postkolonial'nost' kak sostoyanie [Retroactive Categorizations, or Post-Coloniality as Condition]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 22(3), 53–74. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2023-3-53-74>
8. Mikhalev, A. V. (2019). Novaya Bol'shaya igra kak neokolonial'nyy diskurs [New Great Game as a Neocolonial Discourse]. *Diskurs-Pi*, (3), 10–25. <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2019-10301>
9. Miller, A. I. (2024). Problemy rossiyskogo federalizma i "reabilitatsiya" imperii [Problems of Russian Federalism and "Rehabilitation" of the Empire]. *Rossiya v global'noy politike*, 22(6), 74–86. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2024-22-6-74-86>
10. Morozov, V. (2015a). *Russia's Postcolonial Identity. A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. London: Palgrave Macmillan.
11. Morozov, V. (2015b). Subaltern Empire? Toward a Postcolonial Approach to Russian Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 60(6), 16–28.
12. Morozov, V. E. (2009). *Rossiya i Drugie: identichnost' i granitsy politicheskogo soobshchestva* [Russia and Others: Identity and Boundaries of Political Community]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
13. Morozov, V. E. (2014). Svyato mesto pusto ne byvaet [Nature Abhors a Vacuum]. *Rossiya v global'noy politike*, 12(3), 40–49.
14. Said, E. (2012). *Kul'tura i imperialism* [Culture and Imperialism]. St. Petersburg: V. Dal'.
15. Sayfullaev, A. (2020). Mezhdudimitatsiei i kritikoy: postkolonial'nye issledovaniya v Tsentral'noy Evrope (na primere Pol'shi) [Between imitation and criticism: postcolonial studies in Central Europe (on the example of Poland)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (6), 175–187.
16. Solovyov, S. M. (2021). Oskorblenie fashizmom, ili eshche raz ob aktual'nosti teorii [Insult by Fascism, Or Once Again about the Relevance of the Theory]. *Rossiya v global'noy politike*, 19(5), 230–241. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-5-230-241>
17. Van Dijk, T. A. (2015). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* (2-e izd.) [Discourse and power (2nd ed.)]. Moscow: URSS: LIBROKOM.
18. Wallerstein, I. (2006). Sushchestvuet li Indiya? [Does India Exist?]. *Logos*, (6), 3–8.

Информация об авторах

Даниил Александрович Аникин, кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук; доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>, e-mail: dandee@list.ru

Илья Андреевич Туркин, лаборант Государственного академического университета гуманитарных наук; магистрант политологии РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9485-1659>, e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com

Information about the authors

Daniil Alexandrovich Anikin, Candidate of Philosophical Sciences, Leading researcher of the State Academic University for the Humanities; Associate Professor, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6232-6557>, e-mail: dandee@list.ru

Ilya Andreevich Turkin, Laboratory Assistant at the State Academic University for the Humanities, Master's Degree in Political Science; MA student, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-9485-1659>, e-mail: ilya.turkin2001@gmail.com
